БИБЛИОТЕКА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» № 7

Б. ПАНКИН, И. ПРЕЛОВСКАЯ

РЕПОРТАЖ ИЗ АМЕРИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1962 г.

В 1961 году в Соединенных Штатах Америки находилась группа советских юношей и девушек. Представители нашей молодежи знакомились с жизнью и учением американских студентов. Несколько месяцев спустя делегация советской молодежи приняла участие в международном студенческом семинаре в Канаде. В с[illegible] ставе обеих групп были специальные корр[illegible] «Комсомольской правды». Здесь публику[illegible] портажи об этих поездках.

РЕПОРТАЖ ИЗ АМЕРИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Трндцать дней, которые мы провелн в Соеднненных Штатах, былн совсем не простыми днямн. Это былн драматическне дни, как любят в подобных случаях выражаться амернканскне журналнсты. Весть об исторнческом подвнге Юрня Гагарина застала нас на пятый день путешествня в маленьком университетском городке Оберлин, блнз Великнх озер.

— Что вы думаете об этом событин? — спросилн журналнсты, нашедшне нас в кругу студентов.

Нужно ли повторять здесь то, что мы ответилн нм?! Мы обнималнсь, поздравлялн друг друга и окружающих. Мы завндовали всем, кто в эти дни был в Москве, в нашей стране, н одновременно былн довольны, что, находясь среди амернканскнх юношей н девушек, можем своими глазами вндеть их первую, непосредственную реакцию на то, что совершнлось, совершнлось впервые в нсторин человечества. Велнчне событий на какой-то срок (оговорюсь сразу, на очень небольшой срок) словно бы отбросило в сторону все, что разделяло, что стояло между нами. Амернканские студенты, профессора, служащне колледжа, шнроко улыбаясь, хлопалн нас по плечу, поздравлялн и вместе с намн повторялн пришедшне нз Москвы слова о том, что наша победа в космосе—это

победа всего человечества. Лишь некоторое время спустя мы услышали первые глупые вопросы и прочитали в газетах первые лживые строки, авторы которых пытались, пусть самым нелепым образом, как-то бросить тень на подвиг советской науки.

«Человек в космосе — это приглашение к миру или демонстрация силы?» — глубокомысленно вопрошали журналисты.

Мы не раз позднее встречались с этим удивительным явлением — непосредственность первых впечатлений, искреннее дружелюбие в оценке различных сторон советской жизни, которые мы встречали у студентов, часто сменялись настороженностью и недомолвками, после того как в дело вступала американская пресса и мы сталкивались с официальными представителями того или иного университета.

Не прошло и недели после радостного сообщения о полете Юрия Гагарина, как новая весть, на этот раз совсем другого характера, потрясла Америку — весть о начале и затем о бесславном конце военной интервенции на Кубе.

Я ни на йоту не погрешу против истины, если скажу: в те дни в личных беседах с нами ни один американец, молодой или старый, не повторял, глядя нам в глаза, всей той ереси о «коммунистической опасности», о «базе красных под боком у США», которой были полны газеты и официальные заявления тех дней.

Одни не говорили этого, потому что думали и рассуждали по-другому:

— Это была безумная затея, как и вся наша политика на Кубе. У нас слишком утруждают себя делами, которые нас не касаются, и закрывают глаза на свои собственные проблемы.

Другие просто смущенно отводили глаза или растерянно пожимали плечами, потому что, имея свое, отличное от нашего мнение о Кубе, не могли привести никаких доводов в оправдание последней авантюры.

Третьи просто молчали. Молчали с глазу на глаз с нами. Зато в массовых встречах — а обменяться мнениями, поспорить с нами приходило порой до 300—400 человек — именно такие люди, спрятавшись в самой глубине зала, торопились задать нам свои вопросы. Те вопросы, на которые и не ждут ответа, те вопросы, что про-

диктованы не интересом и желанием знать, а лишь стремлением омрачить атмосферу дружеского обмена мнениями.

Добавлю, что, живя по пять-шесть дней в том или ином университетском городке, мы большинство таких «вопрошателей» вообще не видели около себя в те многие и многие часы, когда в беседах участвовало сравнительно небольшое число людей. Говорить неправду в лицо для наших откровенных недругов оказывалось значительно труднее и неудобнее, чем со страниц газет или из глубины зала.

Но всё это понимали не только сами «вопрошатели», но и те, кто относился к нам и нашей стране с искренним, доброжелательным интересом.

Такие люди хором произносили презрительное «Т-с-с!», когда вопрос казался им некорректным (выражение, предложенное самими американцами), и дружно аплодировали нашим ответам.

Одни, другие, третьи... В дальнейшем представители различных категорий американцев, прежде всего студенческой молодежи, обретут в этих записях имена, фамилии и профессии. Сейчас же хочется лишь подчеркнуть, что два события, о которых говорилось,— полет Гагарина и агрессия против Кубы,— эти два события — великое и низкое, светлое и черное — помогли нам уловить и понять одну очень важную сторону современной американской общественной жизни: для каждого хотя бы мало-мальски мыслящего человека в Соединенных Штатах стало за последнее время правилом, нормой, потребностью, наконец, во всем, что бы ни происходило в США, в СССР или за пределами наших стран, сразу же определить, уяснить для себя позицию Советского Союза: а что думают по этому поводу русские? Как бы поступили в данном случае «красные»? Почему Москва считает так, а не иначе?

Со свойственной им любовью к точным цифрам американцы называют конкретную, памятную всему миру дату, которая положила начало этому процессу. Дата эта — 4 октября 1957 года. Первый советский спутник прорвал паутину лжи и дезинформации, сплетенную официальной американской пропагандой, и заставил миллионы американцев заново открыть для себя Советский Союз. А затем последовала поездка Н. С. Хрущева по

Соединенным Штатам, и идеи мирного сосуществования, независимо от того, как относились к ним и как комментировали их в официальных кругах, вошли в дома, прошли через сердца и души людей. Не то чтобы все сразу согласились с этими идеями, уверовали в них. Но все захотели знать. С истинно американским практицизмом люди решили, что познакомиться с программой мирного сосуществования, а стало быть, и с политикой СССР как внешней, так и внутренней,— это самое жизненно необходимое в смутном, неясном и загадочном для многих из них мире.

«Наши люди бывают в СССР. И то, что они рассказывают, сильно отличается от того, что пишут в американской прессе»,— сказали нам студенты Оберлинского колледжа на большой дискуссии, в которой участвовало около трехсот человек. В столице штата Техас — городе Остин мы побывали в школе, и ее директор предложил нам просмотреть в учебнике истории для шестого класса те страницы, которые отведены Советскому Союзу. Просмотреть и высказать свое мнение. И мы, конечно, сказали то, что думали по поводу чепухи, которую содержали в себе эти несколько страниц. Задумавшись на мгновение, директор сказал: «К счастью, американцы, побывавшие в Советском Союзе, возвращаются в Америку с впечатлениями, совершенно отличными от тех, которые они ожидали получить».

Что преподносят школьникам и студентам под видом правды о Советском Союзе в учебниках и на лекциях,— это отдельная тема. Здесь важно подчеркнуть лишь то, что молодежь ныне хочет иметь дело не с тенденциозными измышлениями, а с подлинником. Отсюда такое горячее желание, о котором мы слышали ежечасно: побывать в Советском Союзе.

Двух человек в Америке на наших глазах, что называется, настигло, поразило счастье. В обоих случаях это было связано со звонком из Нью-Йорка. Студентке факультета журналистики в Техасе Пэт Руш сообщили, что статья ее куплена «Журналом мод» и после окончания университета Пэт может рассчитывать на место в этом издании. Студентку университета Миссури Кэтти Велл позвали к телефону из-за стола, где американские студенты завтракали с советскими гостями. Она вернулась

через несколько минут преображенная. По-моему, я никогда еще не видел таких сияющих глаз.

— Они сказали мне, что освободилось одно место в группе, которая летом приедет в Советский Союз. Они предложили это место мне.

Студент-экономист Ричи Рид из Техаса, который тоже собирается в Советский Союз летом, сказал нам, что он мечтает о двух вещах — посмотреть «Лебединое озеро» в Большом театре и побывать в Госплане.

Отсюда и такой интерес к рассказам вернувшихся из СССР. К слову сказать, люди, видевшие нашу страну своими глазами, были для нас очень часто самыми лучшими друзьями, советчиками, гидами.

Никогда не забыть, как, поднимаясь по ступенькам двухэтажного дома в квартиру молодых супругов Миммс, посетивших недавно Советский Союз, мы увидели на самом видном месте плакат с изображением Ленина. Прошли в комнату — новый знакомый во всю стену. На этот раз — Владимир Маяковский. Супруги Миммс не коммунисты, не «красные». Это примерные члены самой, пожалуй, влиятельной и респектабельной молодежной организации в Соединенных Штатах — Ассоциации молодых христиан (ИМКА). И как раз руководитель университетского отделения ИМКА в городе Коломбия, штат Миссури, мистер Стерлинг поздравил нас 22 апреля с днем рождения В. И. Ленина — «человека мира», как он назвал его, и собственноручно приколол к пиджаку каждого советского гостя алую розу.

Вспомните, что это было через четыре дня после начала вооруженной интервенции на Кубу, в то самое время, когда американская печать оплакивала поражение.

Иметь дело с подлинником. Число людей, изучающих русский язык, в Америке растет не по дням, а по часам. В Оберлинском колледже нас познакомили с диаграммой этого роста. Первая группа студентов, решивших изучать русский язык, появилась здесь в 1955 году. Их было всего несколько человек, и они начали сбор денег для уплаты преподавателям. В 1956 году в колледже была официально введена двухгодичная программа изучения русского языка и литературы. В сентябре 1957 года по этой программе начали заниматься 17 человек. Через месяц был запущен советский спутник, и в

1958 году в русский класс пришло уже 50 студентов. В 1959 году их было около 80 и в 1961 году — 108.

108 студентов избрали основной своей специальностью русский язык и русскую литературу в небольшом частном американском колледже, готовящем специалистов более чем десяти различных профессий. Такая цифра говорит о многом. Да что колледж! Я вспоминаю пожилого человека в Техасе, который для того только и пришел на пикник, устроенный в честь советских гостей студентами университета, чтобы поговорить по-русски и выяснить, какой из словарей современного русского языка ему лучше было бы выписать — Ушакова в четырех томах или академический. Он говорил по-русски довольно чисто, но очень медленно, так что в результате подробного обсуждения словарного вопроса пикник превратился для нас с ним в чисто символическое мероприятие. Прощаясь, он, сокрушенно покачивая головой, сказал, что ему труднее всего даются русские частицы:

— Частицы — это для меня сейчас проблема.

Несложно представить после всего сказанного, какой интерес вызывали у американской молодежи мы сами — живые советские люди, люди самых различных специальностей.

Нам казался смешным и наивным заголовок статьи о нас, появившейся в одной студенческой газете: «Русские в космосе и в Оберлине». Но американцы отнеслись к нему вполне серьезно. Дело в том, что для американских студентов мы были не просто представителями той или иной профессии — мы были еще живыми частицами того мира, которым их, как букой, как бабой-ягой, запугивали с малых лет, мира, который на их глазах шельмовали в газетах и который сам сказал о себе правду спутником, идеями разоружения и мирного сосуществования, человеком в космосе...

«ГДЕ ЖЕ СВОБОДА?»

Мы живем в маленьком университетском городе Оберлине. Городок весь одноэтажный (как тут не вспомнить Ильфа и Петрова), и по внешнему виду его никак не отличишь от сотен и тысяч других. Те же бензоколонки,

ге же за стеклянными дверями кафетерии-автоматы и, кажется, одни и те же манекены в витринах: мужчины в остроугольных брюках и при галстуке, женщины почему-то, как правило, в нижнем белье и с обрубленными руками и ногами.

В Оберлине лишь несколько зданий колледжа выпадают из общего стиля. Колледж старый, он основан в 1833 году.

По утрам, направляясь в кафетерий колледжа, мы сливаемся с толпой студентов, которая, особенно в ясную погоду, представляет собой зрелище, не совсем обычное для нашего глаза. Девушки обычно в брюках самых различных и неожиданных фасонов, в длинных кофтах, в парусиновых тапочках и все — в белых толстых носках крупной вязки. Парни — в куртках и большей частью синих в обтяжку штанах с разрезом внизу. Вообще, мы заметили, что студенты в Америке в одежде своей, а отчасти и в поведении прежде всего придерживаются принципа — было бы удобно. В легкий дождь молодые, здоровые парни, нимало не заботясь о том, насколько по-мужски они выглядят, водружают над головами огромные зонты с предлинной ручкой и опускают ноги в глубокие калоши. Книги и прочие необходимые вещи в Оберлине носят в длинных черных мешках, перекинутых через плечо. На всякого рода собраниях и заседаниях с участием даже большого количества людей вы увидите юношей и девушек, сидящих, а то и лежащих в самых непринужденных позах прямо на полу.

Эта пестрая, разноликая толпа недолго оставалась для нас просто толпой. Уже на второй, на третий день мы многих знали по именам, как со знакомыми, обменивались впечатлениями об очередной дискуссии и тут же заводили новую...

Я вспоминаю Анни, тонкую, как лоза, с огромными глазами девушку. Когда она говорила о Советском Союзе, каждая фраза ее кончалась вопросительным или восклицательным знаком. Познакомившись с нашим сибиряком Женей Верещагиным, она изумленно допрашивала его:

— И вы сами, по своей воле поехали в Сибирь? У вас была цель? О! Цель в жизни! Вот вопрос для меня!

Полный, всегда чуть задыхающийся, вытирающий пот Сидней Вальдман. Благодаря своему неплохому знанию

русского языка он умудрялся председательствовать чуть ли не на всех стихийных дискуссиях.

— Так, понятно, хорошо,— говорил он, мочаля рукой галстук, узел которого всегда был значительно ниже, чем положено.— Это очень интересно. А вот еще один вопрос — философический... Пожялста...

Сидней многого не знал о Советском Союзе, о многом судил превратно, введенный, как и огромное число других молодых американцев, в заблуждение официальной пропагандой. Но чувствовалось в нем большое и искреннее желание узнать, понять.

Много запомнившихся лиц, много знакомств, но среди них — одно, особенно врезавшееся в память.

Мы впервые обратили внимание на Ника Смита во время беседы нашей группы с вице-президентом колледжа господином Меннингом. Господин Меннинг подробно и с достоинством рассказывал нам об истории и традициях колледжа.

— Мы даем общие и специальные знания, мы же закладываем краеугольные камни того, что составляет мироощущение американского гражданина, свободного в своих действиях и независимого в суждениях,— подчеркивал он.

Организаторы нашей встречи пожелали, чтобы истину эту услышали не только мы. На беседе присутствовало несколько студентов, в том числе и Ник Смит. Устроившись на корточках посреди зала, он согласно кивал головой, то и дело поглядывая на нас.

Мы задали господину Меннингу несколько вопросов в развитие основной его темы, попутно рассказав о системе нашего образования. И вскоре заметили, как первая тень беспокойства и недоумения пробежала по лицу юноши.

— Оберлинский колледж — частное учебное заведение,— говорил профессор. — И в таких обучается около трети всех студентов Америки.

— Кому же именно принадлежит этот колледж?

— Видите ли (с улыбкой), он не принадлежит, собственно, никому. Но содержится на частные пожертвования, которыми распоряжается совет попечителей.

— Кто же эти пожертвователи?

— Ну, это люди, закончившие колледж и добившиеся заметного успеха в жизни, а также некоторые компании и их фонды... например, «Стандард ойл», «Джене-

рал моторс», фонд Форда, фонд Рокфеллера... — добавил профессор после некоторого колебания.

— И финансируя колледж, эти компании и их представители не ставят никаких условий, не оговаривают себе никаких прав?

— О, разумеется!

Я специально почти со стенографической точностью привожу эту часть беседы, чтобы читатель мог сравнить то, что говорилось вначале, с тем, к чему мы пришли позднее вместе с самим господином Меннингом.

Дело же обстоит следующим образом. Колледж и та или иная компания выступают, по существу, как два участника сделки: и продавец и покупатели. Вот конкретный пример. Компания, в данном случае Форд, а точнее — фонд Форда, предложила Оберлинскому колледжу составить и осуществить программу подготовки учителей для средних школ. Получив этот или подобный ему заказ, профессора вырабатывают программу и представляют ее на ознакомление и утверждение людям фонда.

— Здесь могут быть сделаны самые различные замечания,— неохотно подтверждает уважаемый профессор.

Мы не вдавались в существо тех замечаний, которые были сделаны или могли быть сделаны. Несомненно, что Форд и его люди позаботились о том, чтобы не был забыт ни один из «краеугольных камней, составляющих основу американского мироощущения», столь милого сердцу монополиста. Показателен и самый интерес Форда именно к подготовке учителей — воспитателей юношества.

— Программа может быть принята, но может быть и отвергнута,— вынужден был добавить господин Меннинг.— В данном случае она была принята.

— Ну, а если программа все-таки будет отвергнута, что тогда?

— Тогда? Тогда мы будем искать себе другого «покупателя».

Забегая вперед, скажу, что, как мы узнали позднее, вот таким же образом фондами трех крупных монополий — Форда, Рокфеллера, Карнеги — была закуплена и осуществляется программа изучения русского языка и вообще Советского Союза в ряде крупнейших университетов страны. И в этом случае специфичность интересов «столпов общества» тоже говорит сама за себя.

— За каждый год обучения в колледже,— продолжал свой рассказ вице-президент,— студенты платят две тысячи двести долларов в год (это примерно две тысячи наших новых рублей.— Б. П.). Но при этом вы должны иметь в виду,— сразу оговорился он,— что целиком эту сумму выплачивают далеко не все студенты. Нуждающимся мы помогаем. Существует, видите ли, целая система разного рода стипендий, займов...

Мы постарались уточнить и этот вопрос. Оказалось, что число «чистых», безвозмездных стипендий настолько мизерно, что профессор даже постеснялся назвать цифру...

Тут вице-президент посмотрел на часы и сказал, что, к сожалению, его время истекло. Позднее нам довелось продолжить этот разговор с Ником Смитом. Мы пошли прогуляться по городу, и Ник присоединился к нам. Некоторое время мы шли молча. Мимо нас промчалось несколько легковых автомобилей, очень неряшливых. Я сказал в шутку Нику, что в Москве владельца автомобиля за такую грязь немедленно оштрафовали бы.

— Но потшему? — воскликнул он.

И в этом сочном «потшему», которое он энергично повторил несколько раз, я почувствовал маленькую месть за поражение его профессора.

— Почему они могут оштрафовать вас? Почему государство может указывать, какой должна быть ваша машина? Где же свобода?

Впрочем, Ник, видимо, и сам быстро понял анекдотичность своего вопроса.

— Вы должны знать,— сказал он, возвращаясь к беседе с вице-президентом,— что Форд фондейшен и Форд корпорейшен — это не одно и то же. В фонде совсем другие люди, и они совсем не зависят от корпорации.

Это было то, что мы уже не раз слышали в Америке. Мысль эта, видимо, старательно вбивается в головы студентам. Добрый дядя Форд из корпорации дает умным и хорошим людям из своего фонда деньги, и только. А уже те тратят их на различные благотворительные цели.

В Оберлинском колледже на пожертвования учреждено несколько стипендий для лучших выпускников. Стипендии дают им возможность продолжать образование на старших курсах университетов.

— Я надеюсь, очень надеюсь получить такую стипендию,— сказал Ник,— иначе я не смогу продолжать образование.

Здесь, в колледже, Ник относится как раз к числу тех малосостоятельных студентов, которые, выражаясь словами профессора Меннинга, «выплачивают за обучение далеко не полную сумму». Ник рассказал мне, что это значит. От колледжа он получает взаймы пятьсот долларов, которые он должен будет вернуть после окончания учебы. Но пятьсот долларов — это меньше чем четверть требуемой суммы. И вот Ник вынужден работать, отнюдь не по специальности: он моет и натирает полы на кухне и в студенческом кафетерии. Он прислуга у своих же товарищей. Зарплаты он не получает. Деньги идут колледжу. Но и этого не хватает. Летом юноша нанимается на ферму.

Нетрудно, стало быть, понять его мечту о стипендии. Но чтобы получить ее, нужно иметь «А» по всем предметам («А» — высшая оценка в американских учебных заведениях). Ник специализируется по русскому языку, по советской литературе. В колледже есть лишь один преподаватель по этому предмету — профессор Франк. Мы беседовали с ним довольно подробно и убедились, что человек этот не любит и не знает Советского Союза, он плохо знает, мягко говоря, даже свой предмет. Это звучит, как анекдот, но он впервые от нас услышал такие имена, как Алексей Толстой, Николай Островский... Я уж не говорю о современных наших прозаиках и поэтах. Между тем оценка, которую поставит Нику этот человек, определит судьбу его стипендии и, следовательно, всю дальнейшую его жизнь.

— У профессора Франка,—сказал я Нику,— своя точка зрения на Советский Союз, и он старается внушить ее студентам. Но от нас вы узнали много нового, неожиданного. Правда?

— Да.— Он кивнул.— И мне кажется, что ваша система лучше... Но,— он предостерегающе поднял палец и засмеялся,— только система образования. Только!

— Предположим, что так вы и напишете в своей экзаменационной работе, откровенно скажете то, что думаете о нашей системе образования. Поставит ли вам «А» профессор Франк?

Ник задумался.

— Ну, может быть, моя работа будет несовершенна? Может быть, в ней будут стилистические ошибки?

— А если их не будет?

— Тогда... Тогда он поставит мне... «А» и минус.— И он засмеялся, как смеялся каждый раз, когда все уже было понятно без слов. Но тут же немного смутился, весь как-то погрустнел: — Я и сам думаю, что это нехорошо, что судьба моей стипендии, моя судьба зависит от одного господина Франка. Ведь я могу ему и не понравиться.

Профессор Меннинг, много говоривший о свободе колледжа, его профессоров и студентов, вынужден был, по сути дела, признать, что эта свобода на деле — полная зависимость от фондов Форда, Рокфеллера и им подобных, которые диктуют колледжу, чему и как обучать. Студент Ник Смит, который одобрительно кивал, слушая вице-президента, согласился теперь, что его судьба целиком в руках профессора Франка, назначенного опекунами колледжа.

Не знаю, какими мотивами руководствовался профессор Меннинг, пытаясь завуалировать истину. Ник же, видимо, просто не задумывался над ней. Ему с детства твердили о «свободе», о «подлинной демократии», и он эти слова повторял, принимая их на веру.

Через день он снова подошел ко мне. Отвел в сторону, положил руку на плечо и, заглядывая в глаза, сказал:

— Я знаю: вы журналист, вы, наверное, захотите написать о нашем колледже. И вы, может быть, захотите написать и обо мне? Я думаю,— продолжал он, с трудом подбирая слова,— что будет лучше, если вы не назовете моего имени. Да,— повторил он,— я думаю, что так будет лучше. — И он улыбнулся жалобной и виноватой улыбкой и добавил: — Вы счастливые люди. У вас есть ваши идеи, ваш марксизм. И то, что вы видите в жизни, вам легче понять и объяснить. А я,— сказал он уже совсем тихо,— я опять там.— Он показал рукой на стенку комнаты.— Я опять... как это по-русски... в углу.

Что добавить к этому разговору? Может быть, лишь то, что я выполнил просьбу моего знакомого и назвал его, единственного в этом очерке, вымышленным именем.

Оберлин, штат Огайо.

РАЗГОВОР С МИСТЕРАМИ РУССО

В городе Форт-уэйи во время завтрака нам представилн мнстера Горнна, фабрнкаига детской мебели. Он молодцеваго обошел стол, с деловнтой улыбкой пожал каждому руку и перед каждым положил малеиькую книжечку-проспект. Развернув их, мы обнаружнлн, что это ие что нное, как детальиое опнсанне качеств н удобств... детских туалетов.

Дело было, повторяю, за завтраком. Сначала мы недоуменно перегляиулись, потом рассмеялись. Но наши соседн — американцы — ие поияли ии нашего удивления, ни нашего веселья.

— Мнстер Горни — бнзнесмен, и он должеи рекламнровать свой товар.

Мистеру Горнну иетрудно было, коиечио, сообразнть, что мы вряд ли купнм хотя бы однн нз его снмпатнчных детских горшочков. Но, подчиняясь своего рода рефлексу, он, видимо, уже просто не может, пожнмая человеку руку, не оставнть в ней проспектнка.

Это произошло в иебольшом промышлеиином городе Средиего Запада. В Нью-Йорке, иа Уолл-стрите, блнз знамеинтой фоидовой бнржи, директора частной фирмы «Смнт, Барни и К°» рекламировали иам товар посерьезнее.

На этот раз речь шла нн много, ни мало — о самом «народном капитализме». Нас провели на галерею бнржи и показали оттуда суетящихся виизу маклеров, которые, как клялись наши гнды, вершат там волю мнллионов рядовых держателей акций. Нам показали исторический фнльм о превращенни серого волка в бабушку Красной Шапочкн. Ои назывался «Доля в завтрашнем дне». В нем рассказывалось о том, как постепеиио капитализм старый превратился в капитализм «иародный», где каждый, приобретая акцни, имеет якобы равные с другими возможностн получить долю от общего пнрога.

— Вот н совладельцы фнрмы, когда оии начиналн свое дело, были так же молоды и небогаты, как... как мнстер Руссо, например...

Тут мистер Сандерсон, один из директоров фирмы, сделал многозначительную паузу и посмотрел в сторону молодого мистера Руссо, начинающего клерка лет двадцати пяти, чем-то похожего на героя рассказа О'Генри, пытавшегося разбогатеть на кожуре от апельсина. Тот с признательностью поклонился. В шутку мы спросили его, надеется ли он, достигнув возраста нынешних владельцев фирмы, стать таким же богатым, как они. Он бросил ответный взгляд на мистера Сандерсона и сказал, что да, надеется. Он, будучи деловым человеком, видимо, не был подвержен чувству юмора и сказал это без тени улыбки, добавив, что дело не только в нем. В современном американском обществе все имеют равные возможности. Успех зависит от инициативы и от уверенности в удаче. Ну, и от готовности пойти на риск...

— Инициатива, риск, удача — вот три «кита», на которых зиждется успех,— столь же серьезно подтвердил мистер Сандерсон.

Инициатива, риск, удача... Через несколько дней в штате Миссури мы посмотрели фильм «Симаррон», который послужил великолепной иллюстрацией к этим словам.

Картина, только что вышедшая тогда на экраны, поставлена по одноименному роману. Начало событий в фильме относится к 1899 году. Правительство решило заселить огромные пустующие земли в штате Оклахома. Узнав об этом, в Оклахому со всех концов страны едут люди. Едут за успехом, за счастьем, за удачей. Но земли неравноценны. Как разделить их? И вот вдоль бесконечной стартовой линии выстраиваются в один ряд люди: кто верхом на лошади, кто на велосипеде, кто на тройке, запряженной в огромный переселенческий фургон, а кто и безо всяких средств передвижения.

Через несколько минут гарцующий на отличном рысаке полисмен выстрелит в воздух, и все рванутся вперед. Кто быстрее доскачет до благодатной земли, кому удастся вбить свой колышек на самом лучшем участке? И кому достанутся вот эти, расположенные близ старта безводные, выгоревшие земли? Кто оседлает фортуну и кто бессильно свалится ей под ноги? В невообразимой толчее, трудно дыша, сгрудились люди. Многодетный пожилой бедняк верхом на загнанной кляче, для ко-

торого земля эта — последний шанс в жизни, и содержательница публичного дома на тройке откормленных, пышущих силой коней; шайка нагло гогочущих гангстеров — у каждого лассо в руках — и пугливо озирающийся индеец, осмелившийся попытать счастье рядом с белыми людьми... Инициатива, риск, удача. И равные возможности...

Грохнул на экране выстрел. Обезумевшая от нетерпения толпа устремляется вперед. Сбивают друг друга всадники, опрокидываются наземь фургоны, подминая под себя мужчин, женщин, детей. Свист, треск, скрежет, дикое ржание, стоны раненых. Но никто не оборачивается, никто и не думает помочь упавшему. Нагло, свирепо торжествует право сильного, право хищного. Свистит лассо над головой индейца. Он кубарем катится под колеса фургона своих «удачливых» соперников. Плачет, надрывая душу, многодетный отец семейства, лошадь которого сбили в первые же минуты скачки. Дети молча окружили отца, и он бьется в истерике, царапая ногтями иссохшую, бесплодную землю. Остался без земли и главный герой фильма — благородный молодой человек, который один из всех остановился, чтобы помочь упавшим...

Мы невольно пожалели, что нет уже с нами господина Руссо и мы не можем обменяться с ним мнениями по поводу этих полных символического звучания кадров. Но с нами был Рон Стайнер, студент из университета Миссури, со значком молодого демократа.

— Вы должны иметь в виду,— поспешил он объяснить,— то, что вы видели,— это прошлое нашей страны. В современном американском обществе нет ничего подобного.

«В современном американском обществе...» — этот упругий термин был вполне в духе нашего знакомого мистера Руссо. Мы могли бы возразить ему, этому мистеру Руссо номер два, что и сегодня «Боливар не выдержит двоих», что фильм ведь только начинается 1899 годом, и зритель становится свидетелем, как год от года богатеют, наживаются вчерашние примитивные хищники, как встают они во главе компаний, трестов, корпораций, становятся хозяевами и «благодетелями» города, в то время как затравленный ими «благородный герой», тщетно добивающийся справедливости для сла-

бых мира сего, гибнет на чужбине. Вместе с деньгами хищники приобретают и лоск и вполне современные манеры. И вполне в современном американском духе они жертвуют часть награбленного на содержание учебных заведений и ставят памятники пионерам края, в том числе и благородному герою. Мертвый, он не страшен.

Обо всем этом мы могли бы напомнить мистеру Руссо номер два. Но к чему? Ведь фильм в конце концов — это только фильм. На наших глазах кандидатам в миллионеры возражала сама действительность.

В городе Остине, штата Техас, мы побывали на бирже труда. В «современном американском обществе» и биржа труда выглядит, как вполне современное и весьма респектабельное учреждение. Прежде всего работники биржи труда ввели нас в просторный светлый зал, где, склонившись над клавиатурой электронных счетных машин, сидели десятки вполне современного вида девушек. Интересно отметить, что со знакомства с залами электроники, как правило, начинался у нас в США осмотр любого объекта, будь то автосборочный завод, перевалочная продуктовая база или больница... Никто из наших гидов, видимо, не хотел упустить случая продемонстрировать уровень электронной техники, и порой люди словно бы забывали, а может быть, просто не отдавали себе отчета в том, что же, собственно, подсчитывают в меру припудренные, подкрашенные, со вкусом причесанные девушки на этих сотнях и тысячах клавишей. В силу, видимо, все той же инерции, администрация биржи не упустила случая козырнуть даже размахом учета безработных.

Нам сказали, что всего в штате, во всех городах и поселках, около ста подобных учреждений. В них работают тысячи людей.

Что же, видимо, у каждого из них много работы. В одной из комнат биржи мы увидели график. В 1956 году в штате Техас было 120 тысяч безработных, в 1959-м их насчитывалось 180 тысяч, в 1960-м — 300 тысяч, в 1961-м — уже 380 тысяч. В данной ситуации электроника была не роскошью, а необходимым элементом «современного американского образа жизни».

В зале электронно-счетных машин приглушенно играла музыка.

— С тех пор как это помещение озвучено, производительность труда девушек выросла на двадцать процентов,— сказали наши гиды и повели нас дальше по комнатам, забитым бесчисленными ящичками.

Это своего рода каталог, картотека безработных. На каждую человеческую душу заведен ящичек, а в ящичке — сведения: возраст, профессия, стаж работы, состав семьи. В каждом ящичке судьба целой семьи, безгласная повесть надежд и отчаяния тысяч и тысяч людей самых разнообразных профессий: токарей и юристов, врачей и продавцов, рабочих-нефтяников и учителей. И каждый, подобно мистеру Руссо, наверное, надеялся, ждал удачи...

Мы замечаем, что ящичков, кажется, значительно больше, чем 380 тысяч. Да, говорят нам, их здесь два с половиной миллиона. Формуляры, добротные, рассчитанные на долгие годы хранения, заведены на каждого жителя штата, работающего по найму.

Одна из гримас пресловутого американского сервиса. В стране равных возможностей, видимо, справедливо полагают, что каждого, кто нанимается, в равной мере может постичь безработица и что целесообразно подготовиться к приходу каждого из них на биржу. Зловещая предусмотрительность. Не заведены ящички лишь на тех, кто нанимает...

Нас ведут в комнату, где электронно-счетные машины производят последнюю операцию и выдают свою продукцию — карточку безработного. Нам демонстрируют ее так, как на заводе около станка демонстрировали бы только что выточенную деталь. На карточке фамилия человека и размер причитающегося ему пособия — от 7 до 28 долларов в неделю. Причем деньги он не получает на руки. Просто он приходит в магазин и предъявляет карточку, и ему отпускают продукты в пределах его нормы. Так клеймо безработного преследует человека всюду.

Работники биржи признают, что даже 28 долларов — сумма слишком ничтожная, чтобы на нее можно было при современных американских ценах хоть как-то содержать семью.

— Видите ли, у нас в традициях, работая, откладывать деньги, так сказать, на черный день,— говорит налоговый инспектор биржи господин Мак-Кини.

— Ну, а если сбережений не было или оии кончились?

— Тогда,— он грустио улыбается,— тогда затягивай пояс потуже.

Теперь, когда экскурсия окончена и все, что можно было сказать о техической осиащеиности биржи, сказаио, беседа становится как-то прямее и откровеннее. Люди, работающие в мире несчастий, притаившихся в сотнях тысяч стандартных ящичков, знают о правде жизни иемиого больше, чем юный мистер Руссо из Нью-Йорка и его двойиик из университета Миссури. И ее, эту правду, здесь куда труднее завуалировать и подрумянить, чем иа частной фииансовой фирме на Уолл-стрите. Здесь слова «капитализм», «рабочие», «классы» произиосятся без иронической улыбки, усвоенной в Америке власть и деньги имущими.

Да, невелико пособие безработного. Но и его получить не так-то просто.

Безработный прежде всего должен доказать... что он безработный. Принести свидетельство с того предприятия, откуда его уволили. И нужно, чтобы на этом предприятии работало не меньше четырех человек. Это значит, что служащие мелких торговых заведеиий, кустарных предприятий, сельскохозяйственные рабочие малеиьких ферм, лишившись работы, пособия не получают.

Безработный должен доказать далее, что уволеи, так сказать, просто за неиадобиостью, а ие из-за провиниости. В противном случае он также пособия ие получит.

Безработный должен, наконец, дать обязательство, что ои согласен иа любую работу, которую ему предложат. Профессор искусств не может отказаться от работы полотера. Врач обязан пойти официантом в кафе. Откажется — не получит пособия.

И, наконец, главное: самый большой срок выплаты пособия — двадцать четыре недели. А потом...

Впрочем, этот вопрос мы уже не задавали.

Остииский студент Джим, который уже третий год учится в Техасском уииверситете и живет бок о бок с биржей, сказал нам:

— Не нужно принимать безработицу всерьез. Наша пресса излишие драматизирует эту проблему. Цифры,

которые обычно называют, нужно уметь анализировать. Безработные — это в основном те люди, которые не хотят работать и предпочитают получать деньги даром. Или же это люди, которые хотят сменить свою работу на лучшую.

Все, что говорили нам эти три мистера Руссо, мы не раз слышали из уст других американских студентов. И мы, не сговариваясь, назвали трех молодых людей одним именем не потому, что они внешне очень похожи и у них совершенно одинаковые характеры. Речь тут идет о довольно широко распространенном типе студенческой молодежи. Люди этой категории с «легкостью необыкновенной» решают все проблемы современной Америки. Безработица? Но ведь есть пособие. Миллионы семей живут в вагонах? О, им просто не хочется жить на одном месте! А в трейлере (вагоне) они могут даже путешествовать. Расовая дискриминация? Вы знаете, негры, как правило, не хотят учить своих детей вместе с белыми. Они счастливы сами собой...

И как крайнее выражение этой духовной слепоты, как апофеоз ее — утверждение одного нью-йоркского студента: если бы можно было каким-то волшебным образом создать крышу над машинами, не имеющими гаража, 99 процентов всех проблем Америки были бы решены.

Мистерами Руссо не становятся сами собой. Мистеров Руссо старательно пестуют, их лепят руками искусными, как у скульпторов.

Миллионер, «жертвующий» на нужды образования,— это чуть ли не национальный герой современной официальной Америки. Ему ставят памятники при жизни, его портреты и жизнеописания развешаны на стенах университетов, колледжей, школ. А мы, глядя на эти рекламно улыбающиеся лица, вспоминали два с половиной миллиона ящиков на бирже и мистера Горина с его детскими туалетами. Если он пожимал человеку руку, в руке обязательно оставалась рекламка...

Б. ПАНКИН

США.

«ВО ЧТО ВЫ ВЕРИТЕ?»

...Ньюйоркцы мало обращают внимания на окружающих. Но парочка, вошедшая поздним вечером в вагон метро, сразу привлекла к себе взгляды пассажиров: белобрысый парень в замызганном свитере и незашнурованных ботинках и растрепанная девица с красным шарфом.

— Это битники,— пояснили нам нью-йоркские знакомые. И тут же спохватились: — Завтра поедем в Гринвич-вилидж — квартал богемы. Битников, правда, не так много, но они популярны среди части молодежи.

В Гринвич-вилидже темнее, чем в центре. В тусклом, желтоватом свете видны витрины мастерских ультрасовременной скульптуры и живописи. Прямо на улице вам за пятнадцать минут сделают портрет на фольге или листе металла, нарисуют картину. Мелькают претенциозные названия кафе: «Сборище», «Уа». Спускаемся в подвальчик. На стенах лестницы проступают изломанные фигуры красных быков и серо-голубых лошадей. В кафе полутьма. За ближайшим столиком девушка уронила голову на руки, плечи ее вздрагивают. Рыжеватый бородач дымит сигаретой, неподвижно уставившись куда-то в угол. Певец на эстраде театрально вскидывает руки. И, едва веря своим ушам, мы слышим «Вдоль по улице метелица метет» на ломаном русском языке. Присутствующие, очевидно, не понимают слов. Для них это просто экзотика. К нам подходит один из хозяев кафе, молодой человек. «Что людей тянет сюда? — Он на секунду задумывается над нашим вопросом.— Слишком много на свете мещан, сытых, довольных, хочется быть самим собой».

В «Бизарре» («Сборище») зажжены китайские фонари, нарочито аляповатые. В центре — скульптура, хотя и условная, но довольно откровенная. Афишка, которую нам дают, сообщает: «В кафе побитые встречаются с элитой (избранными)» — и многозначительно обещает: «Будь готов к неожиданностям».

Какого рода неожиданности тут возможны, нам рассказывает один из спутников-американцев. В прошлую пятницу он наблюдал такую сценку. Поэт читал стихи и призывал к освобождению от мещанских пут, к возвра-

ту в естественное состояние. А затем предложил всем присутствующим осмелиться стать самими собой. На эстраду выскочила девушка и стала поспешно раздеваться на глазах у публики. Кончилось тем, что парень, который привел ее в кафе, побил поэта. На этот раз неожиданностей не было. Кто-то медовым голосом взывал: «Забудем настоящее, огречемся от этого мира, заживем иной жизнью».

Мы разговорились с девушкой, частой гостьей этих кафе. Худенькая, высокая, в узких брючках и блестящей кофточке, она, как ящерица, проворно скользила между тесно составленными столиками. Восточное лицо с тонкими, нервными чертами, гладкие, будто лакированные, волосы до плеч. Продолговатые глаза, обведенные тушью и кажущиеся почти неестественно огромными. Кафе для Маддален — второй дом.

— Здесь весело?

— Нет, не в том дело.

Она привыкла к абстрактным картинам, которые тут продаются прямо со стен, она привыкла к парням и девицам, которые назло богатым снобам одеваются с развязной небрежностью, к разговорам о кошмаре жизни. Когда она пришла сюда впервые несколько лет назад, все это казалось ей необыкновенным. Теперь кое-что приедается, даже становится чуть смешным. Но она втянулась в это существование.

— А что впереди?

Длинные ресницы настороженно вздрагивают. Она невесело усмехается:

— Вы хотите прижать меня к стенке.

Мы заговариваем о ее планах. Маддален хочет стать актрисой. Но с деньгами на учебу туго. Отец — плотник, кроме нее, есть еще младшие дети, вся семья живет где-то в маленьком городке. Здесь, в Нью-Йорке, она одна. Пока работает официанткой. Будет все-таки пытаться поступить в актерскую школу.

Есть ли у нее любимые героини, которых она мечтала бы сыграть? Что она хочет дать людям своим искусством?

Маддален пожимает плечами. Она любит Теннеси Уильямса, писателя, увлекающегося патологией человеческих отношений.

— Люди есть люди,— говорит Маддален.

Нет ничего, что она могла бы назвать хорошим или дурным в человеке. Ей просто хочется углубиться в его душу. Пусть в самых гадких проявлениях.

— Но это уже пахнет отчаянием! — невольно вырывается у нас.

— Может быть,— тихо произносит Маддален.

Кофе допит, спутники торопят нас, и не остается ничего другого, как пожелать Маддален счастья. Она смотрит нам вслед, хрупкая экзотическая девушка среди неопрятных бородачей в тесном кафе, увешанном крикливой ученической мазней.

У битников есть своя литература. Прозаик Джек Керуак, известный у нас по отрывкам из его книги «На дороге». Молодые поэты Гинзберг, Ферлингетти. Поэт Аллен Гинзберг написал поэму «Вопль». Буржуазное общество представляется ему мрачным и античеловеческим. Он пишет:

Молох, чей разум — мертвая схема!
Молох, чья кровь — струящиеся деньги!
Молох, чья душа — электричество и банки!
Молох, чья судьба — облако бесполого водорода.

Поэма сильна своей разоблачительной глубиной, своей беспощадностью. Но «Вопль» — это безысходность. Битники порой пытаются и протестовать. Они участвовали в Сан-Францисской демонстрации против испытаний атомного оружия. Они собирают фольклор: ковбойские песни Америки, песни других народов и поют их в нью-йоркских кафе и скверах. Они сочиняют и свои песенки, куплеты, дерзящие властям. Им запретили петь на улицах, и все-таки они поют. Но в то же время нам рассказывали, что в Нью-Йорке есть некий архитектор, через которого богатые бездельники могут пригласить битников к себе для развлечения. За недорогую цену можно купить белые бляхи с черной надписью «Я битник». Искреннее недовольство переплетается с богемной бесшабашностью, глубокая неудовлетворенность действительностью — с дешевой сенсационностью. И когда вспоминаешь нью-йоркских битников, в памяти встают разрисованные глаза Маддален с затаенными в них вопросами и отчаянием.

В сорорити Дельта Зета, девичьей студенческой общине, где мы поселились в университетском городке Эймсе, никто не видел битников.

Утром девушки — члены сорорити просыпаются в общей спальне, где рядами стоят двухэтажные кровати. Завтракают, обедают и ужинают в общей столовой. Во главе стола садится «мама», пожилая дама, следящая за порядком и соблюдением этикета. Пока девушки, разложив крахмальные салфетки, болтают друг с другом, несколько парней-студентов, зарабатывающих себе еду, бесшумно и быстро прислуживают им. Сорорити призвано воспитывать у девиц светские манеры и охранять их добропорядочность. Пример подает «мама». Пожилая дама всегда элегантна. Седые волосы уложены аккуратными локонами. «Мама» часто меняет туалеты. Утром она в простом белом платье в полоску, днем в лиловом, красиво оттеняющем седину, вечером она облекается в черное, делающее ее уже расплывающуюся фигуру стройнее. «Мама» всегда хладнокровна и выдержанна на людях. Только с глазу на глаз она может сделать язвительное замечание. Но от ее зоркого взгляда не ускользает ничто: ни письмо, написанное незнакомым почерком, ни погрешность в стрижке, ни опоздание на занятие. Девушки должны быть ограждены от дурных влияний и встреч с людьми другого, чем они сами, круга. Зато дружба их с мальчиками из соседних братств всячески поощряется. Если девушка чаще, чем раньше, начала встречаться с юношей, их зарождающаяся привязанность не остается не замеченной окружающими. Чем больше девушек из сорорити выйдет замуж, тем больше ему славы. Совершается торжественный обряд, юноша присылает подарок и свой значок избраннице. «Мама» торжественно сообщает об этом всем девушкам за парадным ужином. Зажигаются свечи. Подарок идет по рукам, все в волнении и нетерпении: которая из них осчастливлена возможным женихом, которая задует свечу...

С середины дня в сорорити становится шумно. Вернувшись из университета, девушки приступают к своим делам: утюжат вечерние туалеты, разучивают песни, бренчат на юкко-лелли. Непрерывно трещит телефон, назначаются свидания, выясняются новости, обсуждаются платья к балу, на котором будет избрана очередная королева. У девушек много украшений, парфюмерии. На стенах комнат — картинки, цветочки, сердца из розовой фольги. А книг мало. Библия, учебники, случайный ро-

ман. Девушки не читали ни Белля, ни Ремарка, ии Грэма Грина, не говоря уж о Горьком или Шолохове.

Нам довелось ознакомиться с анкетой, просившей у девушек назвать условия, иеобходимые для счастья, и беды, которых оии больше всего боятся. Почти в каждой из двадцати анкет мы читали: обеспечеиность, богатый хороший муж, вера в бога, или: потеря благосостояния, одиночество.

К чему стремятся девушки в жизни, на кого хотели бы стать чуточку похожими?

Одни, не задумываясь, называют имена модных киио-звезд.

Другие говорят: у нас нет и не может быть героев. У человека есть свой мир, свой дом, каждый сам для себя.

В Америке любят рассказывать истории, как, начав с пятидесяти центов, человек может стать миллионером. И не раз, когда мы спрашивали о большой мечте, человек отвечал нам: «Хочу стать бизиесменом, это сулит карьеру, обеспечеиность».

Однако старшее поколение не очень довольно молодежью. За парадиым обеденным столом иа Уолл-стрите один из директоров компании, которую мы посетили, откровенно сожалел, что у сегодияшних молодых людей меньше хватки и умеиия пробиваться в жизни, чем у его поколения, меньше целеустремленности, больше апатии.

— Мы, наверное, их слишком избаловали,— сетовал он.— Молодежь приходит иа все готовое.

Но, может быть, дело не только в этом? В Америке не так уж миого богатых иаследииков, как это иекоторые пытаются представить. Может быть, людям мало жить только для денег, для карьеры? А во что верить? Где найти пути служения обществу? Мы встречали молодых американцев, которых всерьез волнуют эти проблемы.

Тому, президенту университетской ассоциации молодых христиаи, двадцать лет. Товарищи любят Тома, говорят, что ои веселый, простой пареиь, хороший оратор. Мы как-то видели его иа симфоническом концерте, до слез растроганиого музыкой. Однажды мы откровеиио беседовали, сидя у камина в охотничьем домике в лесу. Помешивая горящие полеиья, он объяснял, почему собирается стать пастором. Ему хочется, чтобы люди ие жад-

ничали, стали гуманнее друг к другу. Его герой—Мартин Лютер Кинг, борец против расовой дискриминации в сегодняшней Америке.

— Он сидел в тюрьме, ему много пришлось страдать,— с увлечением рассказывал Том.— Но это потрясающе стойкий человек. Кинг за то, чтобы никогда не повторялся Литл-Рок, чтобы никто не смел унижать человеческое достоинство и свободу.

Том не одинок в поисках идеала. Нас без конца спрашивали о целях нашего общества. Чем объясняются наш энтузиазм, вера в будущее? Мы часто говорили три-четыре часа, а поток вопросов не иссякал.

Помнится последний вечер накануне отъезда из Канзасского университета. Второй час, а в нашей комнате все еще сидят любознательные. Кэрол, высокая девушка с удивительно прямым, открытым взглядом, листает свой блокнотик.

— Чем живет средний молодой человек в России? Во имя чего живет? — Кэрол волнуется, стараясь точнее выразить свою мысль.

Мы отвечаем.

— Да ведь вы верующие! — вдруг восклицает Кэрол. — Только вы верите в коммунизм.

— Мы верим в человека, который способен творить чудеса, когда у него есть прекрасная цель.

— Я не знаю, верю ли я в бога,— медленно говорит Кэрол.— Но человеку надо во что-то верить. Если б эта работа была более интеллектуальной, я бы стала медицинской сестрой, потому что мне хочется делать людям добро. Но, наверное, и мое знание языков и истории пригодится для этого. Очень хочется в жизни чего-то яркого.

На Кэрол черный свитер с тремя греческими буквами, похожий на свитер члена общины. Но нет, она не член сорорити. Кэрол иронически улыбается. Буквы означают выражение, пародирующее лозунг сорорити. Она против и стеснительного этикета и предрассудков. Что это за община, если в нее не примут девушку другой расы или некрасивую, если учитывают при приеме членов такие вещи, как собственная машина или квартал города, в котором живут родители! Кэрол — член совета по борьбе с дискриминацией негров и еще нескольких комитетов. Она много занимается. А кроме того, ей приходится работать, чтобы содержать себя.

— А вам не кажется, что люди на земле рано или поздно должны обрести общий идеал и понять друг друга? — мечтательно говорит Кэрол на прощание. — Только бы не было войны.

Расставаясь утром на аэровокзале, мы крепко обнимаемся.

Десятки встреч, десятки людей. И хотя часто уже не хватает времени, мы разговариваем о самых заветных проблемах: о будущем, о смысле жизни. И нередко мы чувствуем, что люди завидуют энтузиазму нашего общества. Им нечего противопоставить нашим планам и идеям. И, может быть, потому редко вспыхивают серьезные споры, чаще беседы сводятся к вопросам и ответам.

В Милуокском бюллетене ассоциации молодых христиан в заметке «Во что вы верите?» мы прочли: «Беспокоящим фактором является то, что у молодежи другой части мира существует твердость убеждений... У коммунистической молодежи энтузиазм в достижении своей задачи не имеет себе равного. И свободный мир также должен научиться эффективными методами влиять на свою молодежь».

Это горькое признание. Отсутствие конкретных перспектив, осознанных идеалов у молодежи настолько глубоко озабочивает американцев, что правительство Кеннеди решило создать... комитет по выработке целей для американской нации. Нелегкая задача. Ведь общественные идеалы, как известно, не одежда, которую изготовляют на заказ.

ДЖО ПРОТИВ РЭНДИ

Едва мы переступили порог школы, как в глаза бросились лозунги, которыми были залеплены все стены.

«Голосуйте за Джо Капфера! Он имеет ключ к успеху!» — было выведено от руки синими печатными буквами на толстой бумаге, и тут же красовался здоровенный красный ключ.

Посредине коридора на столе стояло целое сооружение — колесо с маленькими лампочками и прикрепленной сбоку ракетой. Лампочки, очевидно, должны были вспыхивать. Но к нашему приходу механизм, как на грех,

испортился, и ребятишки с важными, насупленными лицами суетились вокруг стола. Колесо призывало голосовать за второго кандидата.

«Вперед с Рэнди! — призывал огромный плакат.— Он будет работать с энтузиазмом! Он честен, вежлив, полон свежих идей!

У него хорошие отметки, отличная спортивная форма, способности, ответственность и опыт! Рэнди — выдающийся человек, готовый творить новые дела! Помогите нам вывести Рэнди на орбиту! Каждый голос важен!»

После такой характеристики нам очень захотелось познакомиться с таким солидным человеком, как Рэнди.

Нас привели в класс, где, кроме цветов, было еще множество разных вещей: глиняные индейские божки, макеты домиков, игрушки, рукоделие. С потолка свешивалась копия известной абстрактной скульптуры. Шел урок географии. Взоры ребят, естественно, обратились к гостям. И тут нам представили десятилетнего Рэнди, худенького, вихрастого, несколько растерянного. Впрочем, он быстро оправился от смущения и с независимым видом огляделся по сторонам: пожалуйста, мол, смотрите, вот я какой... Положение героя дня обязывало его быть серьезным и значительным.

— Кто составляет все эти лозунги? И почему в президенты школы баллотируются всего два кандидата, а, скажем, не три? — заинтересовались мы.

— Люди с детства должны проникнуться духом нашей государственной системы,— отвечали нам.— С детства мы готовим их к политической жизни. Что же касается лозунгов, то их на первых порах помогают ребятам сочинять студенты.

Когда мы уходили, началась перемена. Ребята выбежали в коридор, и число лозунгов сразу удвоилось. Они пестрели на груди, на спинах.

...Джо, Джо, Рэнди, Рэнди...

А в наших глазах стояло озабоченное курносое лицо малыша, столь прославленного и захваленного, что, кажется, и желать больше в жизни нечего.

Не попадут ли в потоке этого елея бациллы ненасытного эгоистического честолюбия в душу ребенка? Не с этого ли момента зародится в нем стремление к карьере? Не привыкнут ли дети слишком легко бросать и дешево ценить слова, обозначающие высшие человеческие до-

стоинства? Какой след оставит в детских умах раздутая старшими шумиха?

Игра, в которой с увлечением участвовали школьники, невольно заставляла задуматься.

...Вскоре мы убедились, что и в студенческой Америке идет непрерывная предвыборная кампания, занимающая умы массы людей.

Идут выборы королев красоты, президентов бесчисленных советов и комитетов, президентов различных студенческих организаций. Люди сами выставляют свои кандидатуры, вербуют сторонников, организуют предвыборную кампанию.

Рассказывая нам о весеннем празднестве в Эймском университете, студенты признавались, что подготовка его длится долго потому, что людям хочется поспорить, поупражняться в ораторском искусстве. Некоторые комитеты создают только для того, чтобы можно было выдвинуть чью-то кандидатуру в президенты.

Существуют даже партии. В Канзасском университете их две: университетская и голос народа. Их члены в течение двух недель выбирают правительство.

Спорят о положении негров, о том, куда ставить автомашины. Ничего не решают, никакой практической деятельностью не занимаются. Важно одно — словесные бои.

Чем старше становятся люди, тем серьезнее игра, в которой они участвуют. Студенты, достигшие избирательного возраста, начинают уже приобщаться к борьбе двух главных политических партий страны. Дважды, в Эймсе и Линкольне, мы присутствовали на дебатах молодых республиканцев и демократов. Особенно запомнился второй диспут.

Демократ, плотный круглолицый парень, как представитель правящей партии открыл заседание. Широким жестом хозяина он предложил республиканцу — худощавому, мрачноватому молодому человеку — занять место рядом с собой за кафедрой.

— Пусть это символизирует наше равенство,— сияя улыбкой, заявил он.

Они обменялись рукопожатием, как боксеры на ринге.

— Наша партия,— сказал демократ,— это партия новаторства, партия свежих идей. Другая же партия дей-

ствует как тормоз. А вместе мы строим более совершенное общество.

Засветившись опять широчайшей улыбкой, он многозначительно взглянул на нас. Чувствовалось, что он привык говорить и сам слушал себя с удовольствием.

— Демократическая партия есть партия прогресса,— продолжал он с воодушевлением и подался вперед, как певец, берущий высокую ноту.

Но тут раздался глуховатый басок республиканца:

— Я думаю, что положение как раз обратное.

В комнате зашуршал смешок. Американцы наблюдали за спором, оценивая противников с явно спортивным интересом.

Демократ зорко следил за реакцией окружающих. Он резко повернулся к республиканцу и, победоносно вскинув голову, воскликнул:

— Бросаю вызов: назовите пять крупных мероприятий, проведенных республиканской партией!

У республиканца заходили желваки под кожей. Он замешкался.

Из первого ряда вскочила бойкая накрашенная девица. Встряхнув своими кудрями и браслетами, она заявила:

— Республиканцы не являются партией, которая истерически бросает всевозможные обещания, мы подходим с точки зрения здравого смысла, а другая партия злоупотребляет эмоциями и грешит против него.

На арену поднялся новый демократ, стриженный под Кеннеди:

— Если эксперимент не удается, мы готовы это признать и искать иной путь. А республиканцы просто пассивны...

— Поконкретнее! — крикнул кто-то.

— Возьмем, к примеру, образование. — Второй демократ покосился на дерзкую республиканку с браслетами.— Мы за оказание учебным заведениям помощи федерального правительства. Надо лучше финансировать школы, привлечь в них способных преподавателей, субсидировать учащихся...

Как и предчувствовал демократ, республиканка не дала ему договорить:

— Нет у нас возможности расширять расходы! — сердито воскликнула она.— Надо делать ставку на част-

ных лиц, а не на правительство. Вот, например, у меня дыра в зубе. Врач-демократ, узнав об этом, надел бы мне на все зубы золотые коронки, а республиканец поставил бы одну, простую, необходимую пломбу.

На сей раз и ее прервал голос с места:

— Система нашего образования — это челюсть, которую надо не пломбировать, а долго и добросовестно ремонтировать...

В аудитории рассмеялись.

— Что дают вам такие дебаты? — спросили мы молодых республиканцев и демократов. — Участвуете ли вы в каких-нибудь посильных мероприятиях, пускай даже незначительных, чтобы проводить свои взгляды на практике?

— Нет! — Они удивились.— Практика — дело правительства. Мы просто спорим, учимся защищать политические платформы своих партий, ищем новых сторонников...

После спора нас окружили студенты. Один из них с грустной усмешкой заметил:

— Кто-то собирается ставить пломбу, кто-то сулит золотой мост, мы дискутируем, а зубы шатаются и падают...

В Эймсе на таких же дебатах парень, объявивший себя независимым, заметил:

— Если послушать кандидатов, то они говорят примерно одно и то же: американизм, защита конституции, улучшение законов.

— Откуда же тогда борьба страстей? — спросили мы.

И республиканец и демократ ответили почти в один голос: «Выдвижение людей на должности...»

Выдвижение людей на должности! Тут решается вопрос карьеры, успеха, общественного положения, обеспеченности.

...Лоуренских молодых демократов возглавляет Джордж Бенед, рыжеволосый, с аккуратной бородкой, делающей его лицо заметнее и старше. В петлице его пиджака — голова ослика, эмблема демократов. Джорджа интересует русский вопрос. Он готовится к магистерским экзаменам по современным международным отношениям. Джордж изучает русский язык, советскую экономику, политику, историю. Он энергичный, проныр-

лнвый парень, сохраияющий при всем том солидиую респектабельность руководителя.

Джордж сражался с иашнми ребятами в бильярд. При этом, коиечио, щелкала фотокамера. Прииимал иас у себя дома н даже пешком провожал в общежитие через весь городок. Скоро мы позиакомились со вкусами и плаиами друг друга.

Джордж успел отслужить свой срок в вооружеиных силах, изъезднл пол-Европы. У иего жеиа, двое детей. Ои охотио участвует во всех общественных мероприятнях, где можно проявить себя. Джордж нграет в джазе.

Свое будущее Джордж связывает с иаучной и политнческой карьерой.

Все руководители молодых республиканцев н демократов, с которымн нас знакомнли, нзучают в уииверситетах политические н социальиые иаукн или готовятся стать бизиесмеиами. Участие в предвыборных нграх молодежи — для иекоторых иачало той политнческой или деловой карьеры, о которой онн мечтают. Это проба сил, постановка голоса.

В вашнигтоиском Капитолии, в сенате США, мы увндели настоящне полнтнческие страстн.

Накаиуие мы осматривалн Вашнигтои. С высоты колоссальиого обелиска — памятника президенту, чьим имеием изваи город, Вашиигтои видеи весь, с прямыми стрелами улиц, купами бесчислениых садов, с симметричио расположенными по отиошеиию друг к другу мемориальиыми памятииками. Сверху особеино чувствуется парадиый характер застройки города.

Окружеиный зеленью, сияет иа солнце розово-белый Капитолий, торжественный, иапомниающий собор.

Сотрудники сеиаторов, оказавшнх нам любезиую встречу, ответили иа вопросы. Здесь уже иикто ие подчеркивал разиицы двух партий. «Они ие являются идеологнчески ориеитированнымн,— сказали иам.— В каждой есть левое и правое крыло. Связямн н коитактами людей часто пересекаются партийиые граннцы». Так, прииимавшие иас сенаторы — демократ Рандольф и республиканец Купер — друзья, соседн и всегда голосуют за одно и то же.

И все-таки мы увидели накал страстей.

В Капитолий иа заседание сената мы попали в середние дня. Предъявнв пропуск, с трудом пробрались иа

переполненную публикой галерею. Заседание, видимо, шло уже давно. Сенаторы входили и выходили, бесшумно раскрывались массивные двери. В центре прямо в проходе высокий немолодой сенатор говорил страстно и резко, дополняя слова скупыми, но весьма выразительными жестами. Публика неотрывно следила за ним, как за премьером на сцене. В его манере держаться, в его небрежной непринужденности чувствовалась властная натура человека, знающего себе цену. Ему, не поднимаясь с кресла и не оглядываясь, глухо возражал другой сердитый господин.

Остальные то и дело подавали им реплики. Противники наносили друг другу весьма острые уколы. Это было очевидно даже непривычному глазу.

Обстановка царила напряженная. Мы поспешили выяснить, о чем идет спор. Оказалось — о назначении посла в одно из крупных азиатских государств. Вопрос решается уже не первый день, даже, кажется, месяц.

Обсуждают одно конкретное лицо. Одни защищают его назначение, другие, вспомнная бывшие грехи этого лица, возражают против него. Мы сидим с полчаса, спор продолжается...

Заканчивается дележ больших и малых портфелей, связанный с приходом к власти демократической партии.

Нам вспомнился мальчик Рэнди. Дети любят играть во взрослых. Из обыкновенного песка ребятишки в моем ленинградском дворе строят чудесные города, пучок травы превращают в цветущий фруктовый сад, на палочке улетают в космос. Дети могут мечтать и о другом: стать сенаторами, президентами, бизнесменами. Дети — маленькие волшебники, которые делают явью любую мечту. А вот о чем они будут мечтать — это зависит от тех, кто старше.

И. ПРЕЛОВСКАЯ

США.

ДВОЙНОЙ СЛЕД

«ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ»

Дэвид Гольденблат — тоненький, стройный молодой человек лет двадцати, студент, изучающий политику и социологию, проводил нас в зал заседаний и, представив собравшимся, усадил в первом ряду. Сам он энергично поднялся на сцену, где его поджидали несколько человек пожилого, профессорского вида. Торжественный и одновременно оживленный, он вытянулся в струну перед микрофоном и лучезарным взглядом окинул зал.

— Мистер чермен! — Поворот головы в сторону почетного председателя.— Профессор Скотт! — Кивок в сторону одного из профессоров.— Доктор... Профессор...— последовало обращение к остальным, сидящим на сцене:— Леди и джентльмены!

Тут Дэвид перевел дух и, очаровательно улыбнувшись, сообщил, что, к сожалению, профессор Эллиот из Гарвардского университета, второй докладчик конференции, несколько запаздывает, так как он только что прибыл самолетом из Нью-Йорка. В ожидании его он, Дэвид, имеет честь предоставить слово «всеми нами уважаемому, среди нас присутствующему профессору Скотту».

Профессор Скотт подошел к микрофону, столь же очаровательно, но более сдержанно улыбнулся. Он сказал, что очень трудно говорить, когда не о чем говорить, но что-то надо сказать.

Веселое оживление в зале продолжалось несколько минут. Потом глаза у Дэвида просветлели, и он, попросив «глубочайшего извинения» у профессора Скотта, вновь подошел к микрофону и объявил, что, кажется, к

его необычайной радости, через несколько секунд будет иметь честь представить леди и джентльменам уже прибывшего к нам профессора Эллиота. К сцене через зал между рядами кресел двигался долгожданный профессор. Пиджак по американской манере нараспашку, ремень брюк где-то внизу, живот, обтянутый сбившейся нейлоновой рубашкой, впереди, рука с расстегнутым портфелем — сзади.

— Профессор Эллиот,— вновь провозгласил Дэвид.— «Россия и Запад. Проблема вызова».

«Россия и Запад. Вызов и ответ» — такой была достаточно громко сформулированная тема очередной студенческой конференции, в которой участвовали делегаты более сорока университетов Канады и прилегающих районов Соединенных Штатов. Инициатором этой ставшей уже традиционной в Канаде встречи является Макгильский университет в г. Монреале. На этот раз на конференцию впервые были приглашены советские представители.

После того как конференция закончилась, мы по приглашению национальной студенческой федерации пробыли в Канаде еще десять дней, ознакомились с несколькими университетами в Монреале, Торонто, Оттаве, Гамильтоне. И мы убедились, что конференции типа макгильской — весьма характерное, примечательное явление в жизни студентов страны. Можно даже сказать, что где-то в них и запрятан ключик к пониманию ряда сторон общественной и политической жизни Канады.

Конференции проводятся чрезвычайно помпезно. Для прибывающих делегатов снимается один из лучших отелей города. Большая пресса присутствует чуть ли не на всех заседаниях и беспрерывно интервьюирует гостей и хозяев. Люди «с именами» охотно откликаются на просьбы выступить с докладом или лекцией. В изящно оформленной и типографским способом изданной программе список различных обедов и приемов едва ли не длиннее перечня заседаний.

Прямо-таки не скромная студенческая конференция, а крупномасштабное политическое мероприятие. И как раз такой она и представляется большинству участников, которые искренне уверены, что они самолично заправляют всеми ее делами. Еще бы! Члены избранного студентами исполнительного комитета, президент и вице-

президент конференции ведут сложные расчеты с хозяевами отелей, легко и свободно изъясняются перед экранами телевизоров, с удовольствием председательствуют на многочисленных приемах и обедах... Надо было слышать, с какой гордостью и не без вызова организаторы конференции неоднократно спрашивали нас: «А в Советском Союзе подобные мероприятия бывают?» Нужно было видеть, с каким упоением вице-президент Дэвид Гольденблат бессчетное количество раз повторял свое: «Мистер чермен! Леди и джентльмены!».

Разделяемая многими иллюзия полной независимости и самостоятельности. Парадокс же заключается в том, что «независимые», «самостоятельные» студенты весьма искусно оттеснены от обсуждения существа дела, то есть тех самых вопросов, ради которых они и собрались.

«ПАРЕНЬ» ИЗ ГАРВАРДА

Присутствующим было предложено выслушать три доклада, выражающие «западную точку зрения». Авторами этих докладов были профессор Майер из штата Мичиган, «специалист по вопросам марксизма и ленинизма», как его представляли, профессор Эллиот из Гарвардского университета, советник государственного департамента, и, наконец, небезызвестный Гарри Шварц, обозреватель «Нью-Йорк таймс» «по русским делам».

Обратили ли вы внимание на то, что все три докладчика отнюдь не студенты и — что еще более удивительно, а может быть, и не удивительно — даже не канадцы. Обсуждение же докладов программой конференции не предусмотрено. Прочитав доклад, оратор наскоро отвечает на три-четыре вопроса и покидает зал (заезжий профессор, как правило, спешит на поезд, на самолет), а пленарное заседание на этом заканчивается. Студенты разбиваются на «учебные группы» по 15—20 человек, которые иногда громко называют комиссиями. Здесь все уже совсем как на обычных занятиях. За длинным столом сидит преподаватель и задает студентам вопросы.

Вот, собственно, и все. А между тем в больших и малых газетах публикуются ежедневно отчеты с конферен-

ций, фотографии президента и вице-президента красуются на самых видных местах, банкеты, ленчи (второй завтрак) и обеды с речами сменяют друг друга, и большинство присутствующих продолжает пребывать в приятном заблуждении, что здесь действительно обсуждаются и решаются большие проблемы.

На наш взгляд, вот это заблуждение, эта иллюзия и является истинной и конечной целью проведения подобных конференций. Да и не только конференций. Мероприятия подобного рода широко распространены в студенческом мире южного соседа Канады — США. Тут мы вправе говорить о совершенно определенной схеме идеологического воспитания. С ее помощью формируются различные типы граждан «свободного западного мира». Одних, и их единицы, готовят для роли буржуазных политических боссов разного калибра, предоставляя им возможность, так сказать, тренироваться, председательствуя и распорядительствуя на различных заседаниях и банкетах. Другим же с юных лет прививают привычку послушно идти в заданном направлении. И они идут, наивно полагая, что это направление выбрано ими самими, самостоятельно и свободно.

Но схема — это всего лишь схема. Жизнь не всегда укладывается в ее рамки. И тогда схема видоизменяется, приспособляется к жизни, а порой и весьма основательно трещит под ее напором.

Результатом такого очередного натиска и явилось, видимо, решение пригласить на эту макгильскую конференцию посла СССР в Канаде А. А. Арутюняна и делегацию советской молодежи.

Сделать такое предположение позволяет, в частности, небольшая заметка в газете Макгильского университета. В заметке говорится, что «присутствие на конференции представителей Советского Союза значительно увеличивает ее ценность. Разумеется, всегда интересно рассматривать отношение России к Западу в свете западной интерпретации событий. Но делегаты смогут действительно узнать самое существо дела, поскольку русская сторона лично представлена на конференции».

В этих словах как раз и заключается признание того, что студентам отнюдь не всегда интересно «рассматривать отношение России к Западу в свете западной интерпретации».

Мы еще раз убедились в этом, став свидетелями приема, который оказали делегаты конференции уже знакомому нам профессору Эллиоту из Гарварда. Полуторачасовая речь этого с таким нетерпением ожидавшегося американского джентльмена не отличалась ни логикой, ни здравым смыслом, ни элементарным уважением к слушателям. Унылая и однообразная проповедь «холодной войны». И когда мы задали Эллиоту вопрос, считает ли он, что подобные доклады способствуют улучшению взаимопонимания между людьми и народами, студенты дружно зааплодировали. Позднее многие из них подходили к нам и просили извинения за докладчика. А через несколько дней, приехав в Оттаву, мы прочитали в газете Карлтонского университета статью Бева Гринхуаза. «Вильям Эллиот, профессор и советник государственного департамента, олицетворял собой тип американца в самом дурном смысле этого слова,— писал этот участник конференции.— Его речь, возможно, обеспечила бы ему избрание на выборах, если бы он баллотировался в конгресс в своем холмистом Теннесси. На конференции его речь упала в зал гулким, но пустым звуком». Свою статью автор заканчивал пожеланием, «чтобы такие «парни», как Эллиот, не использовались в дальнейшем как советники государственного департамента».

«ЧТОБЫ МОЛОДЕЖЬ БЫЛА ЛУЧШЕ...»

Деятельность подобных «парней» как американского, так и канадского происхождения оставляет, таким образом, двойной след. Она сеет невежество и предрассудки, но одновременно вызывает и раздражение, протест.

Делегаты макгильской конференции, то есть студенты, проявляющие специальный интерес к жизни Советского Союза, задали нам такие, например, вопросы: «Почему вы хотите насильственным путем коммунизировать весь мир?», «Как вы относитесь к тому, что у вас запрещена религия?», «Почему молодые люди вашей страны не имеют права выбирать себе профессию?», «Есть ли у вас девушки-студентки в институтах?»

Подобное невежество могло бы поставить в тупик, если не обратить при этом внимания на то, что все эти

вопросы студенты задают хотя и прилежно, но без энтузиазма, не проявляя абсолютно никакого желания оспаривать наши ответы. Все дело в том, что существует своего рода обойма вопросов, к которой считается необходимым прибегать при публичных дискуссиях с советскими людьми. Это как дежурное блюдо: обязательное, но всем приевшееся.

И стоило только дискуссии выйти из стен публичных собраний и банкетов, стоило нам оказаться в общежитии студентов, на танцевальном вечере или на хоккейном матче, как характер вопросов резко менялся, и тогда нас дружелюбно и доброжелательно расспрашивали о решениях XXII съезда партии, о Программе, принятой на нем, об учебе студентов, о советском искусстве и литературе, о спорте, о наших планах на будущее.

Не забыть того дружного «О!», которое вырвалось из десятка уст в маленькой комнате студенческого союза в Гамильтоне, когда наши собеседники сделали для себя «открытие»: студенты в СССР не только не платят за обучение, но еще и получают стипендию, в том числе и за два летних каникулярных месяца. Студенты Канады не знают, что такое каникулы. Летом, в свободные от занятий месяцы, они вынуждены работать, чтобы платить за учебу.

И это лишь одна маленькая деталь.

Уже вернувшись в Москву, мы прочитали в газетах об опросе, который провел среди молодежи Соединенных Штатов американский институт общественного мнения Джорджа Геллапа. Отвечая на один из вопросов, Линда Грин из Нью-Мексико пишет: «Я знаю слишком мало о коммунизме, чтобы говорить о нем. Все утверждают, что он плох, но нам никто не говорил, что он собой представляет. Мне кажется, что люди, которые хотят, чтобы наша молодежь была лучше, должны сказать нам, что представляет собой коммунизм».

Вот слова, которые мы могли бы поставить эпиграфом к нашей статье. Они удивительно точно передают настроения и мысли огромного числа канадских студентов, и все меньше становится среди них таких, кто еще верит, что люди, занимающиеся воспитанием молодежи Запада, действительно хотят, чтобы она стала лучше.

Б. ПАНКИН
А. ЧУБАРЬЯН

Канада.

ТРИ СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧИ

Нужно немало прожить в стране, чтобы составить исчерпывающее представление о ее людях, их взглядах, обычаях и нравах. Но и во время самой короткой поездки выдаются такие встречи, которые, словно всполохи в ночи, вдруг ярко осветят целое явление жизни или тип человека...

СЕРЬЕЗНАЯ?

— Когда я кончу университет, я думаю продолжить учение в Швейцарии. Видите ли, одну половину своей жизни я прожил в Англии. Это, как известно, страна удивительно навязчивых традиций. Другая половина жизни прошла в Канаде, которая тоже начинает утомлять. Швейцария мне представляется наиболее космополитичной и вследствие этого наиболее терпимой к любому мнению и любому образу жизни. Я лично считаю, что ни одному образу жизни так же, как ни одной социальной системе, нельзя отдавать предпочтение. У каждой есть свои недостатки и свои преимущества...

Нашему собеседнику 20 лет. Его зовут Майлло. Вместе со своим другом и сверстником Майклом он изучает в Торонтском университете политику и юриспруденцию. Разговариваем мы по пути со стадиона, где играли в хоккей профессиональные команды Торонто и Нью-Йорка. Билеты на матч достали наши новые знакомые. Они с нескрываемой гордостью говорили об этом своем успехе. Майлло позвонил другу, знающему кого-то, кто знаком с одним из хоккеистов. Приятель Майлло поговорил со своим другом, друг друга — с хоккеистом, а тот — с менеджером команды. И вот, крепко сжимая билеты в потных кулаках, мы выходим из метро и оказываемся в гуще возбужденной толпы, в которой на одного болельщика-счастливца по крайней мере трое несчастливых.

Наши места — в первом ряду, и от сверкающего ледяного поля нас отделяет только прозрачная стенка из искусственного стекла. Справа, над светящимся табло висит огромный портрет английской королевы. Королева

давио уже ие правнт Каиадой. И если продолжать называть Каиаду домииноим, то уж иикак ие британским, а североамерикаискнм. Но традиции остаются традициями, и портреты Елизаветы висят в каждом присутствеином месте. И повсюду, прежде чем приняться за дело, люди, собравшись, встают и чиино исполняют гими «Боже, храни королеву».

Здесь, на стадноне, эта чииность — не успелн еще отзвучать последнне такты гимна — взорвалась ревом н свистом болельщиков. Если бы королева на портрете вдруг ожнла, она бы, навериое, в ужасе заткиула уши, прежде чем поияла, что это приветствуют вышедшнх на лед игроков. «Вперед, вперед!» — самозабвеиио кричали иашн иовые знакомые н, прилипая носамн к стеклу, иазывали иам звезд профессионального хоккея.

Домой возвращались пешком, и наши спутиикн, шутливо пикируясь, рассказывали о том, как еще можио в Каиаде провестн свободиые вечера и воскресенья.

— Одни, как Майкл, с утра отправляются в церковь н иабнраются духа перед вечерним твистом...

— Другне, как Майлло, вздыхают все свободное время по уехавшей в Европу девочке.

— В отличие от Майкла, которому протнвопоказано постоянство и который подобен сардине,— эта рыба всегда плавает с открытым ртом н глотает все, что попадается ей на путн.

Видио было, что Майкла не обнжает, ему даже льстнт подобиое сравненне, н он юморнстнчески продолжает развивать тему иеразделеиной любви. Но где вспомииают о любви, там говорят о будущем, и вот тут Майкл произиосит свою тнраду о предстоящей поездке в Швейцарию.

Полжизнн в Аиглни, полжнзни в Каиаде. Полжизии. Отмечаем про себя, что это, пожалуй, слишком снльиое выражение для двадцатнлетиего, н продолжаем расспрашивать. Где же его дом? Что он считает своей родниой?

— Дом? — Майлло пожимает плечамн.— Роднтелн сейчас живут в Аиглии. Родиа? — Он отдает предпочтение ие территории, а ндеям.

Но каким? Что ои исповедует? Во что верит? Чему предаи? Что иенавиднт?

Предан? Ненавидит? Эти слова не для Майлло. В этих

понятиях уже заключена ограниченность, а он за то, чтобы узнать все и выслушать каждого. Терпимость — вот его божество.

Но как объяснить тогда, что лишь полчаса назад он так рьяно болел за Торонто и призывал все громы и молнии на голову гостей? Мы, конечно, спрашиваем об этом с улыбкой, но Майлло не то, чтобы не понимает, он сейчас не принимает шутки.

Да, эмоции порой еще торжествуют у него над разумом. Но он научит их подчиняться рассудку и его принципам.

Но что же это за принципы, которые, кажется, состоят лишь в том, чтобы не иметь принципов и дорожить лишь своей способностью ничем не дорожить?

В беспощадности прозрения мы вдруг представили себе будущее этого казавшегося нам таким обаятельным и непосредственным паренька из зажиточной семьи, если он окончательно научится «подчинять свои эмоции рассудку». Ничего по-настоящему не любит, ни во что по-настоящему не верит, ничем не увлечен, ничем не озарен. И пресловутая терпимость к любым мнениям — лишь возможность не иметь своего. Человек без идеала — это ли не идеал современного буржуазного Запада?

Такой характер — это в конце концов или оружие в чьих-то руках, или, если он так никому и не понадобится, просто старый, тупой, заржавленный нож. Персонаж андерсеновских сказок, тихо и незаметно изживающий свой век.

Что же касается Майлло,— да, что касается Майлло,— то в заголовке не случайно поставлен знак вопроса. Ведь Майлло, напомним, всего 20 лет.

У него пока вполне нормальная реакция на выигрыш любимой команды в хоккейном матче, и он второй год вздыхает по девушке, уехавшей в старый свет. Быть может, как раз в Швейцарию?

СМЕШНАЯ?

Боб и Патрик явились за нами в отель в шесть часов вечера, точно в указанный срок. У Боба и Патрика одинаковые накрахмаленные воротнички, до блеска начищенные ботинки, одинаковые светлые хохолки волос на

лбу и одинаковые вопросы к нам, касающиеся различных сторон жизни в Советском Союзе. Бобу и Патрику поручено сводить нас пообедать. Судя по характеру вопросов, им даны и кое-какие другие инструкции. Боб и Патрик обеспокоены положением религии в нашей стране, их тревожит, в достаточной ли мере уважаются у нас права человека. Они не уверены, в частности, может ли у нас молодой человек сесть в поезд, скажем, в Москве, и, не спрашивая разрешения властей, поехать в Киев, или в Иркутск, или в Баку... Особенно озабочен всем этим Боб. Стараемся снять с его души тяжкий груз сомнений. Вежливо, сдерживая зевоту, отвечаем на вопросы, которые слышали уже столько раз. А Боб многозначительно хмурит лоб, роняет саркастическое «и-да» и скептически оттопыривает губы. Кажется, он сейчас очень доволен и собой и своей миссией.

И вот мы подходим к ресторану.

— «Саварини» — самый шикарный ресторан Торонто! — Тут уже больше от гурмана, чем от политика,— в этом возгласе Боба, в восхищенном взмахе его рук.

Войдя в зал, мы никак не можем понять, почему одни посетители проходят прямо к столикам, а другие, и мы вместе с ними, выстраиваются в длинную очередь. Оказывается, наши спутники решили обедать в отделе самообслуживания. Приближаемся к стойке. Поток людей разделяет нас, Боб и Патрик — впереди. Гора тарелок на их подносах растет, они ловко орудуют то ложкой в огромной салатнице, то большой деревянной вилкой на подносе с бифштексами.

— Вам нравится? — с набитым ртом спрашивает Боб, когда и мы, запыхавшиеся, приближаемся к столику.

— Вам нравится? — И снова взмывают вверх обе ладони.

Это был последний вопрос, который нам задали хозяева. Забыты проблемы религии, нашим знакомым не до прав человека. Ребята едят, и можно только позавидовать их аппетиту. Кажется, никакие боли и радости вселенной не в силах оторвать их сейчас от столь важного занятия.

Подошедшей официантке Патрик молча показал четыре пальца. Четыре порции вина. Но приносят лишь три рюмки. Почему? У официантки глаз наметан. Бобу нет еще двадцати одного года. Таким вино не подают.

Боб чувствует себя несколько сконфу
как только официантка отходит, он натренирова
стом протягивает руку к рюмке Патрика, а тот при
вает ее сбоку ладонью. Сделав большой глоток, Боб
кашливается, длинными белыми пальцами трогает воротничок, галстук-бабочку и независимо оглядывается по сторонам. Как раз такой вид был у него, когда он рассуждал о правах личности. Но сейчас он снова принимается за еду.

Тарелки ребят быстро пустеют, они торопливо протирают их капустным листом из салата, ссыпают объедки на поднос и поднимаются со стульев.

— Нужно снова пройти к стойке и взять себе еще за те же деньги,— объясняют они. — Здесь, в самообслуживании, платят не за блюда, а за вход. И уже на ходу добавляют: — С грязными тарелками пускают без очереди.

Смешные ребята, не правда ли?

ГРУСТНАЯ

Последней в вагон вошла молодая женщина в легком пальто с поднятым воротником. Тяжелая волна волос свободно опускалась на плечи и была перехвачена сзади широкой лентой. Когда женщина приблизилась к нам, сосед, сидящий напротив, с готовностью пододвинулся, освобождая ей место, и привстал, чтобы помочь ей поставить на багажную полку сумку и картонку. Подмигнув нам одновременно отчаянно и застенчиво, он с улыбкой спросил на ломаном русском языке:

— Хороший женщина? Красивый?

При этом мятая белая рубашка расстегнулась у него на груди, а одна из штанин поднялась и зацепилась за широкий фетровый ботинок.

— Красивый? — повторил он с той же улыбкой свой вопрос и сам себе ответил: — Нет красивый. Но симпатичный, милий.

Он вовсе не был похож на ловеласа, наш случайный спутник. Но ему, видимо, очень хотелось познакомиться с нами, и он полагал, что с мужчинами легче всего найти общий язык в разговоре о женщинах. Прежде чем представиться нам, он отпустил еще несколько неуклюжих,

…нно добропорядочных комплиментов по адре-
…ей соседки. А потом мы узнали, что его зовут …, что ему тридцать четыре года, что он нечто вроде коммивояжера — развозит по городам образцы товаров текстильной фирмы, что живет он один в четырехкомнатном доме, доставшемся ему после смерти родителей, что из этого дома три года назад ушла от него жена...

— А до этого жили вместе пять лет.— Он снова виновато улыбнулся. — Начинали, как все... Может быть, еще что-то будет... Но вряд ли. И вообще...

Мы пытались представить себе одинокое существование в пустом и, наверное, таком же запущенном, как его хозяин, доме...

Как-то так получилось, что нет и друзей. Вэл почти нигде не бывает. Завтра воскресенье, он будет хорошо, лучше, чем всегда, кушать, разбирать свои марки и пораньше ляжет спать...

А сегодня... Сегодня он очень рад, что познакомился с нами. Он узнал нас по фотографиям в монреальских газетах. Он никак не ожидал, что мы будем столь внимательны к нему, такому,— нет-нет, пожалуйста, не надо возражать, он все хорошо понимает,— такому малоинтересному собеседнику...

Наша соседка между тем, подобрав под себя ноги, уютно расположилась на мягком диване, достала из сумочки открытку и что-то стала писать, неприметно улыбаясь. Неожиданно она обратилась к нам и тоже на русском, только гораздо более чистом языке сказала:

— Хотите посмотреть, что я пишу своей маме в Монреаль? Вот. «Попасть не сумела. Те самые два русских, которых мы смотрели по телевизору, слева от меня. Справа — наш, о котором не знаю еще, что и сказать. Говорят о России. Но пока нет опасности, что они будут агитировать меня в Советский Союз».

У меня к вам большая просьба,— добавила она со смехом,— пожалуйста, распишитесь на этой открытке, мама будет очень обрадована.

Мы поставили свои имена. Она протянула руку: Любомира Жук.

В Канаде мы с первых же дней отучились удивляться русско-украинской речи и именам. Здесь ведь есть целые города, заселенные выходцами из дореволюционной

Украины. Любомира тоже из такой семьи. И хотя она ни разу никуда не выезжала за пределы североамериканского материка, девушка сохранила язык предков.

Выяснилось, что Любомира преподает теорию музыки в колледже и, кроме того, выступает с концертами как пианистка.

— У нас все тут только и говорят о Ростроповиче. Он ведь совсем недавно был в Канаде, вы знаете? Скажите, а есть в России специальный журнал по музыке? О! И что нужно сделать, чтобы получать его здесь? Вы не поверите, но именно ваши Моисеев и Александров укоротили век Элвиса Пресли, короля твиста. У нас для большинства он сейчас уже как дурной сон.

Мы с интересом слушали, охотно отвечали, спрашивали. И одновременно со щемящим чувством наблюдали, как, подобно мухе, бьющейся о стекло, Вэл пытался проникнуть внутрь невидимого круга, так энергично очерченного вопросами и интересами Любомиры. Он кивал головой вслед за кем-либо из нас, раздвигал в улыбке губы, поддакивал невпопад. А когда ему приходилось особенно туго, говорил растерянно:

— Да, забыл все слова. В армии учил, хотел стать переводчиком. А сейчас забыл. Как деньги потерял.

Всем своим видом он как бы признавал, что заинтересовать собой никого не может, и просил не отворачиваться от него, быть с ним подольше.

Но поезд из Монреал

СОДЕРЖАНИЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ АМЕРИКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ